

Революция, которую мы выбираем. Итоги и перспективы «юбилейного» бума

Владимир Булдаков

**The revolution we choose.
Results and prospects of the «anniversary» boom**

Vladimir Buldakov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI

В советские времена историки безуспешно пытались приспособить революционное прошлое к текущим нуждам авторитарно-бюрократического государства. Понятно, что подобные экзерсисы не могли не обернуться крахом. Так и случилось, и мы до сих пор пожинаем последствия этого.

Мыслительный аппарат человека устроен так, что он воспринимает отдалённые феномены то ли как таинственно-роковые величины, то ли как набор понятных ему *псевдосущностей* и *квазизависимостей*, корректирующих «разумность» его сегодняшнего существования и поведения. В восприятии истории он либо довольствуется химерами собственного — увы, недалёкого, но зато пылкого — воображения, либо отдаётся во власть пристрастий сегодняшнего дня. При этом многократно возрастают (хотя и не беспредельно) возможности манипулирования его сознанием. Как следствие, нынешние российские представления о революции складываются из всевозможных симулякров, порождённых ментальными слабостями наших дней. С учётом всего этого стоит попытаться проанализировать, какой мы видим сегодня революцию, способны ли мы более адекватно воспринимать её, какие ее образы и события мы предпочитаем. Разумеется, в рамках данной статьи это будет сделано в наиболее общем виде; при этом не может не присутствовать и гипотетический момент.

Что мы ищем в «эпохе перемен»?

В формировании образа революции в России решающее слово до сих пор оставалось за властью. Прошлому всегда навязывался имидж, наиболее соответствующий текущим политическим целям и задачам. Революция то представлялась торжеством «исторически востребованного» насилия, то становилась благостной и даже «пацифистской». Наконец «Великий Октябрь» уподобился горбачёвской «перестройке». Часть исторического сообщества с «пониманием» реагировала на такие метаморфозы: так, в Институте российской истории РАН был ликвидирован сектор истории «Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны», а Научный совет РАН по комплексной проблеме «История Великого Октября» был стыдливо переименован в «Совет по истории социальных движений, реформ и революций». Относительно не-

давно была то ли отменена, то ли «подменена» — не без помощи некоторых историков! — всем известная знаковая дата. Выяснилось, однако, что и это не помогло преодолеть глубинный общественный раскол, связанный с событиями 100-летней давности.

Бывают события, которые невозможно вытравить из людской памяти. Сегодня призрак «непонятой» революции 1917 г. присутствует даже в работах, вроде бы отдалённых от неё и хронологически, и сюжетно, — она остаётся проблемой не только *всей* русской истории¹, но и индикатором отношения к власти. Строго говоря, от способности к пониманию роли революции в истории зависит не только способ нашего движения вперёд, но и скорость этого движения.

Если скрыть революцию от людских глаз не удаётся, следует «замылить» окуляры исторической памяти. Проще всего это сделать путём демонстрации грандиозности события — «потёмкинские деревни» всегда впечатляли россиян. Слов нет: русская революция была действительно Великой — как по разрушительным последствиям, так по громадному — пусть далеко не адекватному — воздействию на внешний мир. Но как быть со значением революции для *народа*, который её совершил? Как связать «величие» с ужасами расстрела царской семьи, Красным и Белым террором, раскулачиванием, ГУЛАГом, Большим террором — этих наиболее впечатляющих образов, так или иначе связанных с «Великим Октябрем»? Между сакральным и инфернальным не может быть «золотой середины».

Да и как считать революцию великой, если многие авторы ставят во главе её злобных авантюристов вкупе с политическими импотентами. И разве «народ безмолвствовал»? Может быть, сфокусироваться на революционных пассионариях с их футуристическими грёзами, не говоря уже об утопических психозах масс? Революцию не делали в белых перчатках, описывать её следовало бы соответственно.

Давно замечено, что «проклятием безудержного прогресса является безудержная регрессия»². Это заявление историкам революции стоило бы принять как аксиому. Следовало бы учитывать, что на пике революции эндогенные и экзогенные факторы, её стимулирующие, словно сливаются воедино. При этом своеобразным символом и вместе с тем началом новой европейской эпохи оказались невиданные пертурбации в культуре и искусстве предвоенных лет — футуризм, экспрессионизм, имажинизм стали поистине знаками судьбы европейской цивилизации. «Стальной век»³ начинался с того, что распались привычные смыслы и образы, хотя взвинченная людская масса предпочитала мыслить по-старому⁴.

В основе наших прошлых и сегодняшних представлений о русской революции лежит *ratio* европейского XIX в., соответственно подкрашенное идейной модой текущего дня. Всякое общество нуждается в «комфортном» прошлом, соответственно выстраиваются и представления о нём и его творцах. Однако эпистемологически такой итог вызывает возражения: в XXI в. революцию

¹ См.: Булдаков В.П. Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 53—63.

² Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб., 1997. С. 53.

³ См.: Дамье В.В. Стальной век. Социальная история советского общества. М., 2013.

⁴ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. М., 2017. С. 23—24, 114, 342.

XX столетия невозможно разглядеть, используя логические представления XIX в. Отсюда обескураживающий итог: в событиях 1917 г. кое-кто пытается уловить черты «цветных революций». Последние — плод воображения суетливых политологов, чья деятельность так же «продуктивна», как и конспирологические «открытия» столетней давности.

Конечно, историки продолжают делать своё дело. Но и они, как правило, не в меру оглядываются на прошлую и нынешнюю политику. Так, объёмная книга В.В. Шелохаева, посвящённая по преимуществу деятельности кадетского ЦК, напоминает очередной памятник высоколобым российским либералам, возвышающийся посреди «тёмной» народной массы⁵.

С другой стороны, в монографии Ф.А. Гайды констатируется, что «широкая социальная революция стала непосредственным следствием не наличия тяжёлых социальных проблем, а в первую очередь ликвидации государственного механизма их решения»⁶. Как всегда, всё в руках правителей и элит. Если так, то, быть может, исток грандиозного кризиса в тотальном непонимании тех и других *снизу*? В общем, народ искал свою власть, но не находил. Отсюда кратковременный культ А.Ф. Керенского, призванного подменить исчерпавший себя образ самодержавия⁷.

Сторонники политической истории так или иначе тяготеют к поиску альтернатив революции. Напротив, из недавних работ о предреволюционной российской экономике следует, что ситуация была практически непоправимой⁸. Но дело не просто в хозяйственных неурядицах. При утрате доверия снизу кризис патерналистской системы становится необратимым: характерно, что власть стала всё больше рассчитывать на поставки из-за границы⁹.

В экстремальных ситуациях решающее значение приобретают не «объективные» показатели, а субъективные представления людей о происходящем. Великие события не могут оцениваться по привычным «объективным» критериям обычного времени — не стоит измерять слона ученической линейкой. Именно так приходилось мне писать более 20 лет назад: революция не просто велика, она многомерна. У историка, напротив, ограниченный набор измерительных приборов.

Революция произошла в громадной и архаичной империи, а империя — это культура властвования над культурами — новыми и старыми, продвинутыми и застойными. Внутри её экономика неизбежно смыкается с этикой, а та — с эмоциями. Исследователи отмечают, что революция — это «определённый механизм снятия накопившихся в обществе противоречий»¹⁰. В её ходе неизбежно меняются представления о справедливости, правовая мысль претерпевает

⁵ См.: Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015.

⁶ Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог и пути политического развития (1910—1917 гг.). М., 2016. С. 513.

⁷ Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»: Антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март—июнь 1917 г.). М., 2017.

⁸ См.: Поликарпов В.В. Русская военно-промышленная политика 1914—1917. Государственные задачи и частные интересы. М., 2015; Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне 1914—1917 гг.: Экономика и экономическая политика. СПб., 2016.

⁹ См.: Порох, золото и сталь. Военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны. СПб., 2017.

¹⁰ Май В. Механизмы, предпосылки и последствия радикальных общественных трансформаций. М., 2017. С. 19.

невиданный шок¹¹. Культурная среда раскалывается. Именно этому процессу была посвящена книга о столкновении элит и масс в 1917 г.¹² Показательна также монография Ю.В. Аксютин и Н.Е. Герд о поведении в революции интеллигентского большинства¹³.

В целом, нынешние воззрения на революцию не случайно остаются не менее противоречивыми, чем полтора десятка лет назад¹⁴. Исследователь не может не «выбирать» прошлую революцию — иначе ему пришлось бы отказаться от культурно-исторических основ своего существования. Такая ситуация болезненна для массового сознания. Как выйти из неё? Первыми озаботились этим не историки¹⁵, а власть предрежающие¹⁶. В декабре 2016 г. российское руководство приняло решение: грядущая коммеморация должна пройти под знаком примирения духовных наследников «либералов» и «коммунистов», «красных» и «белых». При этом было заявлено, что «сегодня государственная власть не только не диктует историкам, какие “правильные” политические акценты необходимо давать тем или иным событиям нашей истории, но наоборот, обращаться к специалистам, чтобы получить профессиональные ответы на сложные вопросы». Такой подход нельзя не приветствовать. Но чтобы прийти к подлинному примирению, надо бы найти глубинные истоки революции, отыскать такие несомненные её причины, которые устроили бы всех. Возможно ли это? Положение усложняется тем, что не столь давно, в ходе коммеморации, связанной с Первой мировой войной, сверху не раз прозвучали слова о «предательстве», в результате которого Россия оказалась проигравшей стороной¹⁷.

В связи с этим возникает «эпистемологическая» неувязка: одно дело — общество профессиональных историков, опирающихся на факты, порождённые культурной средой, другое — историческое воображение масс, привыкших ориентироваться на «подсказки» телевизора (или интернета). «Необходимо взглянуть на те события во всех оттенках, стать выше борьбы сторон, справедливо и беспристрастно вспомнить и о победителях, и о жертвах, у каждого из которых была своя правда», — заявил 3 июня 2017 г. на общем собрании Российского исторического общества его председатель С.Е. Нарышкин. И, надо заметить, близкие к власти любители заговоров вскоре сбавили тон¹⁸, а на многочисленных конференциях стал вырастать образ «Великой российской революции». Однако с телеэкранов ещё более мощным потоком полилась фантазийная муть, основу которой составили заезженные конспирологические «прозрения».

¹¹ Юристы и революция: Pro et Contra / Авт. и сост. С.М. Шахрай, К.П. Краковский. М., 2017. В этом сборнике статей рассматриваются противостоящие друг другу воззрения различных правоведов на революцию.

¹² Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. 1917 год. Элиты и толпы... С. 587—598.

¹³ См.: Аксютин Ю.В., Герд Н.Е. Русская интеллигенция и революция 1917 года: в хаосе событий и в смятении чувств. М., 2017.

¹⁴ Buldakov V. Scholarly Passions around the Myth of «Great October» // After the Fall: Essays in Russian and Soviet Historiography / Ed. by M. David-Fox, P. Holquist, M. Poe. Bloomington, 2004.

¹⁵ В сущности, «упреждающий» характер в России приобрела только одна международная конференция. См.: Эпоха войн и революций: 1914—1922. Материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 9—11 июня 1916 года). СПб., 2017.

¹⁶ Это сразу же заметили западные авторы. См., например: Rendle M., Retish A.B. Introduction. The «lessons» of 1917 // Revolutionary Russia. 2017. Vol. 30. № 1. June. P. 1.

¹⁷ Колоницкий Б.И. Ресурсы культурной памяти и политика памяти о Первой мировой войне в России // Cahiers du monde russe. 1917. Historiographie, dynamiques révolutionnaires et mémoires contestées. 2017. 58/1—2, Janvier—juin. С. 179—181.

¹⁸ Ср.: Никонов В.А. Крушение России. 1917. М., 2011; Никонов В.А. Октябрь 1917. Кто был ничем, тот станет всем... М., 2017.

Понятно, что на явление системного порядка нельзя смотреть с одной стороны (как и с двух, трёх и более). Его предстоит высветить со *всех* сторон, чтобы получить своего рода голографическое изображение динамичного исторического явления. Это позволит избежать «эффекта параллакса» (предмет меняет свою форму в зависимости от изменения угла зрения). Но основная масса историков активизировалась по-своему — случился настоящий историографический бум, увы, заметно отдающий нафталином.

По некоторым данным, с декабря 2016 до конца 2017 г. в России прошло около 2 тыс. мероприятий (конференций, выставок и т.п.), за рубежом — около 400 коммемораций, только во Франции были проведены свыше десятка различных конференций. Конечно, преобладали ритуальные и занимательные акции — вплоть до музыкально-театрализованных представлений.

Какова оказалась содержательная часть «юбилея»? В этом плане показательны публикации в журнале «Российская история». Так, № 2 за 2017 г. открыла статья директора Института российской истории РАН Ю.А. Петрова о том, как представлена Россия *накануне* революции в современной историографии. Было отмечено, что громадным стимулом для историков революции стало 100-летие Первой мировой войны: война и революция перестали, наконец, рассматриваться обособленно¹⁹. Но только ли европейская война породила русскую революцию? Ответ был сформулирован так: «В мирное время Российская империя, несмотря на многообразие, разнонаправленность и масштабность характерных для неё социальных конфликтов, способна была их “переварить”. Однако в экстремальных условиях войны это оказывалось невозможным». Также вполне резонно было сказано, что «практически “вечный” вопрос о соотношении стихийного и рукотворного в событиях Февраля 1917 г. предполагает особое внимание к проблемам массового движения»²⁰. Оставалось только добавить, что развёрнутая картина массовых движений именно под «вечным» углом зрения оставалась представленной слабо²¹. И дело не только в количестве исследований. Нынешний подход к «стихийности» осуществляется по преимуществу под углом зрения «сознательности», восходящей к эпохе Просвещения. Кстати, из статьи видно, до какой степени «ведомственное» мышление повлияло на деятельность «революционного» Временного правительства: служащие его канцелярий словно не понимали, насколько их занятия расходились с духом времени.

Впрочем, публикации того же номера свидетельствуют, что в осмыслении истоков и хода революции наметился сдвиг. Как заметил П.Н. Гордеев, «изучать политическую историю революционного времени, опираясь только на законодательные акты, невозможно — они могли обесмысливать друг друга, поскольку издавались в условиях нарушения обычного хода дел и, зачастую, случайно оказавшимися во главе ведомств людьми»²². Со своей стороны,

¹⁹ См.: Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014; Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. Россия, 1914—1917 гг. М., 2015.

²⁰ Петров Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская история. 2017. № 2. С. 16, 3, 8.

²¹ Это заметно и по материалам юбилейной конференции, проведённой Институтом российской истории РАН, на которой преобладали вопросы экономики и политики. См.: Великая российская революция, 1917: сто лет изучения / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2017.

²² Гордеев П.Н. Комиссариат Временного правительства над бывшим Министерством двора // Российская история. 2017. № 2. С. 62.

В.Б. Аксёнов пришёл к заключению: «Информационный кризис кануна революции, характеризовавшийся огромной ролью слухов, радикализировал общественные настроения, подготовив ментальную почву для революции», реанимировал потаённые страхи, породившие последующую волну насилия²³. Но где источник насилия? Кем оно стимулировалось, кем сдерживалось?

На этом фоне статья В.В. Шелохаева о «переформатировании» партийного пространства в России в 1917 г. смотрится странно. Из текста следует, что «ни консерватизм, ни либерализм (как идеология и политическая практика) не смогли “укорениться” на российской почве». Но что можно было «переформатировать» изнутри хаотичного процесса? Однако автор считает, что работа по изучению партий должна быть продолжена²⁴. Но как, по каким критериям, с какой стороны? Может быть, снизу, а не с уровня обанкротившихся доктринёров?

Российские партии *in corpore* отражали (или предвосхищали) процесс развала империи, а не консолидацию общественных сил и тем более не начало формирования гражданского общества. Российская многопартийность оказалась мертворождённой в силу её генетических умозрительно-доктринальных изъянов. Об этом мне приходится напоминать постоянно; вразумительных возражений я не получал.

И почему нынешний интерес к политическим партиям упорно перемещается слева направо²⁵? Отражает ли это известного рода симпатии к тем, кто видел в большевиках орудие немцев, масонства, еврейства²⁶? Хочется думать, что А.А. Иванов не случайно цитирует известного правого публициста: «Винить большевиков — всё равно, что винить холерного эмбриона», который не отвечает за тайну своего происхождения и активизации²⁷. Действительно, самые массовые в прошлом правые партии (общероссийские и региональные), как показано в статье И.В. Омелянчука, представляли собой «руины» одного из многих «бастионов», воздвигнутых на пути революции²⁸.

Было время, когда её историю подменили «однопартийной» историей ВКП(б). Затем пришло время многопартийной истории²⁹. С чем связано тяготение к партиям? Только ли с тем, что такой подход позволяет по-своему прояснить пресловутый вопрос о соотношении стихийности и сознательности в пользу «управляемых (читай “заговорщических”) революций» и навязчиво конструировать политологические оксимороны вроде «управляемого хаоса»? Или ностальгическое отношение к «потерянной» для России демократии сменилось некрофильской тоской по былой многопартийности?

²³ Аксёнов В.Б. Революция и насилие в воображении современников: слухи и эмоции «медового месяца» 1917 г. // Российская история. 2017. № 2. С. 32.

²⁴ Шелохаев В.В. Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи) // Российская история. 2017. № 2. С. 39, 41.

²⁵ См.: Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014.

²⁶ См.: Булдаков В.П. Российская многопартийность: иллюзии прошлого, химеры современности // Полис. 2016. № 4. С. 100—114.

²⁷ Иванов А.А. «Чёрная сотня стинула в подполье»: русские правые и революция 1917 г. // Российская история. 2017. № 2. С. 57.

²⁸ Омелянчук И.В. Провинциальная контрреволюция: Иваново-вознесенская самодержавно-монархическая партия в 1905—1917 гг. // Российская история. 2017. № 2. С. 130.

²⁹ См.: Российская многопартийность и политические кризисы XX—XXI вв. М., 2016. Критику таких представлений см.: Булдаков В.П. Российская многопартийность в контексте системных кризисов // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2010. № 12. Вып. 2. С. 17—33.

Как бы то ни было, политическую историю можно сделать более осмысленной. Достаточно представить, что «европеизированная» политика 1917 г. таила под собой архаичные людские страсти вокруг «непонятной» власти³⁰. «Смыслы открываются завтра», — напомнила Т.А. Филиппова слова Ж. Лакана. Стоит уточнить: они *могут* открыться. Увы, похоже, что российская историография революции так и не стала «крепка задним умом» — французский «ум на лестнице» её не озарил. Во всяком случае, дискурс «логос культуры против стихии охлоса»³¹ требует особого культурно-антропологического оснащения. Само понятие политического на фоне событий 1917 г. смотрится не совсем уместно. Требуется углублённое изучение непосредственно революционного *хаоса*, а вслед за тем природы порождённых им *квазиполитических* страхов. Формально в России возникали (и возникают) вроде бы те же политические партии и институты, что и на Западе. Однако они, как правило, были отражением не *органического*, а *псевдоморфного* развития России³². В любом случае следовало бы не путать «потёмкинские деревни» с подлинными субъектами российской истории.

Другой «юбилейный» номер «Российской истории» открылся несколько запоздалым обсуждением нашей с Т.Г. Леонтьевой книги «Война, породившая революцию» (2015). Большинство авторов возражало, правда, деликатно против политической «экзотизации» России³³. Новаторский характер книги, в сущности, отметил только У. Розенберг, другие авторы отделались уважительными фразами на фоне демонстрации собственной эрудиции.

Этот номер журнала оказался небогат оригинальными текстами. Некоторое исключение составляла статья о женском движении. Однако в ней было отдано предпочтение партийным феминистским акциям; бунтарские выступления, вносящие заметную истеричную ноту в ход революции, упоминались вскользь. Оказались вновь забытыми весенние стачки столичных прачек, а раскол в женском движении был отодвинут к осени 1917 г.³⁴ Между тем ещё весной противоречия между работницами и «равноправками», причём не только в столице, доходили до потасовок³⁵. В общем и здесь сказалось влияние «партийной» историографии. Вероятно, в этой связи имеет смысл, опираясь на исследовательский задел³⁶, показать, как в ходе революции сказывались стереотипы женского поведения.

Здесь же были представлены статьи: о провинциальной партийности (В.П. Сапон) и о «многопартийной власти на Урале осенью 1917 г.» (В.М. Кружинов, З.Н. Сокова). Выводы авторов таковы: «Трагедия заключалась в том, что сама обстановка войны, в ходе которой элиты Российской империи демон-

³⁰ См.: Булдаков В.П. Революция, эмоции, политики: К переосмыслению событий 1914—1917 гг. // Политическая концептология. 2017. № 2.

³¹ Филиппова Т.А. Братание идеи со штыком. Политико-культурные смыслы Великой российской революции // Российская история. 2017. № 2. С. 84—87.

³² Подробнее об этом см.: Королёв С.А. Псевдоморфоза как тип развития: случай России // Философия и культура. 2009. № 6; Королёв С.А. Секуляризация и десекуляризация в контексте концепции псевдоморфного развития России // Философская мысль. 2015. № 4; Королёв С.А. Метаморфозы власти. Опыты по микроистории: философские аспекты. М., 2017. С. 13—41.

³³ См.: Российская история. 2017. № 5. С. 9, 20, 23.

³⁴ Пушкарёва И.М., Пушкарёва Н.Л. Женское движение в общественно-политической жизни России 1914—1917 гг. (некоторые проблемы в отечественной историографии) // Российская история. 2017. № 5. С. 93.

³⁵ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию... С. 490, 634.

³⁶ См.: Безгин В. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М., 2017.

стрировали свою неэффективность... высекала искры крамолы в беспокойном народном сознании»³⁷; большевистский финал был обусловлен тем, что в России отсутствовала «единая концепция многопартийной социалистической власти»³⁸. Возникает вопрос, а откуда было взяться экзотическому политическому цветку среди народной смуты?

К сожалению, «провинциальной»³⁹, особенно «уездной», революции в современной России уделяется недостаточное внимание⁴⁰. Между тем её познавательные резервы весьма велики. Как показывает исследование А.А. Дмитриенко, даже в Гатчине, рядом с революционной столицей, события развивались по-своему. В сущности, это был особый, относительно независимый уровень развёртывания революции⁴¹.

Итак, в то время как западная историография уже давно постаралась вернуться и к социальной и культурно-антропологической истории революции⁴², и локальным сюжетам⁴³, российские авторы по-прежнему тяготеют к этатизированной политической истории. Похоже, это связано вовсе не со спецификой научного интереса, а с психологией исследователей, как всегда оглядывающихся на власть.

Характерно, что нынешние «всезнающие» партийные лидеры остались при своих взглядах на революцию: В.В. Жириновский (ЛДПР) видит в ней только разрушение, Г.А. Зюганов (КПРФ), напротив, уверяет, что «Великий Октябрь» спас «самое гениальное изобретение русских» — тысячелетнюю государственность⁴⁴. И вряд ли их убедил академик А.В. Торкунов, заявивший: научное сообщество пришло к пониманию того, что все события 1917 г. вместе с Гражданской войной были этапами единого процесса⁴⁵. Хотя Нарышкин считает, что «революция перестала разделять и сталкивать наших граждан»⁴⁶, на деле

³⁷ Сапон В.П. Нижегородская либеральная оппозиция накануне Февральской революции 1917 г. // Российская история. 2017. № 5. С. 43.

³⁸ Кружжинов В.М., Сокова З.Н. Органы многопартийной социалистической власти на Урале осенью 1917 г. // Российская история. 2017. № 5. С. 72.

³⁹ Ильяхов А.А. Революция 1917 года на Смоленщине. Хроника событий. Смоленск, 2007; Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 — февраля 1917 гг. М., 2011; Мещеряков Ю.В. Тамбовская губерния в начальный период советской власти. Октябрь 1917 — август 1918 г. Тамбов, 2012; Соколов К.И. Тверская быль революции. Очерки революционной эпохи в Тверской губернии (1917—1922 гг.). Тверь, 2013.

⁴⁰ См.: Пашков А.А. Борьба за массы в Шадринском уезде Пермской губернии. 1917—1920 гг. Шадринск, 2007.

⁴¹ См.: Дмитриенко А.А. Гатчина. Год 1917-й (глазами горожан). М., 2017.

⁴² См.: Rosenberg W.G. Interpreting Revolutionary Russia // Critical Companion to the Russian Revolution, 1914—1921. L., 1997; Rosenberg W.G. Beheading the Revolution: Arno Mayer's «Furies» // The Journal of Modern History. 2001. № 73; Engelstein L. Paradigms, Pathologies and other Clues to Russian Spiritual Culture: Some Post-Soviet Thoughts // Slavic Review. Vol. 57. 1998. № 4; Engelstein L. Culture, Culture Everywhere. Interpretation of Modern Russia across the 1991 Divide // After the Fall...

⁴³ См.: Badcock S. Politics and Peoples in Revolutionary Russia: A Provincial History. Cambridge, 2007; Retish A. Russia's Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State, 1914—1922. Cambridge; N.Y., 2008; Karsch S. Die bolschewistische Machtergreifung im Gouvernement Voronež (1917—1919). Stuttgart, 2006.

⁴⁴ Нечто подобное высказывалось и авторами сходной политической ориентации. См.: Вахитов Р.Р. Революция, которая спасла Россию. М., 2017. Также см.: От Великого Октября к советскому социализму. Взгляд 100 лет спустя. М., 2017.

⁴⁵ 100-летие революции 1917 года в России: международные аспекты. Материалы парламентских слушаний 26 октября 2017 года. М., 2017. С. 6, 13, 19.

⁴⁶ Нарышкин С. Юбилей — повод для серьёзной работы // Воронцово поле. Вестник фонда «История Отечества». 2017. № 1. С. 9.

стремление к «конвенциональному» взгляду на неё заметно лишь в среде профессиональных — российских и западных — историков. Политики и обслуживающие их журналисты по-прежнему тянут в разные стороны весь набор мумифицированных представлений о революции.

Сегодня мало кто хочет верить, что политические партии России отлетели, как пустая шелуха, от реалий революции уже к лету 1917 г. И не стоит кивать на выборы в Учредительное собрание. Итоги голосования были обусловлены социальными, а не политическими ожиданиями: одни избиратели отчаянно надеялись на сохранение порядка и достатка, другие жаждали решения вопросов о мире и земле. Налицо феномен «демократии лозунгов», характерный для охлократии.

Иной раз создаётся впечатление, что люди, засушенные академической учёностью, то ли вообще не в состоянии разглядеть того, что противоречит почитаемым ими «законам», то ли ставят химеры своего теоретического воображения выше жизненных реалий. Ведь и сегодня можно встретить утверждения, что политическая история русской революции ещё не написана⁴⁷. Между тем сочинением именно *политической* истории революции в России занимались более 100 лет, однако подлинный смысл происходившего не удалось показать ни левым, ни правым авторам⁴⁸. Зато несомненно, что на столетнем перегное политических «историй» произросли ядовитые побеги конспирологии.

Стремление к многомерному анализу событий революционных лет всё ещё остаётся на уровне умозрительных предположений⁴⁹. Тем не менее призывы понять революцию в свете теории динамического хаоса весьма обнадеживают⁵⁰. Интересы исследователей революции всё же становятся многообразнее: от экономики и финансов до слухов и предрассудков, от геополитики до повседневности. Исследуются не только попытки революционных лидеров прорваться в «будущее», но и стремление политически неразвитых масс «убежать» в прошлое. Довольно много в последние годы пишут о «церковной революции». Действительно, 1917 г. поражает обилием и интенсивностью различного рода конфликтов *внутри* Русской Православной Церкви. В процесс революционного раскола были вовлечены и миряне⁵¹ — это ли не отражение глубины кризиса?

Правда, в изучении религиозности эпохи то и дело возникают неувязки. Так, А.В. Пыжиков словно задался целью поставить гонимых властью старо-

⁴⁷ Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М., 2017. С. 18.

⁴⁸ В этой связи разочаровывают попытки представить возродить традиции советской «этатистской» истории революции. См.: Чураков Д.О. 1917 год: Русская государственность в эпоху смут, реформ и революций. М., 2017.

⁴⁹ См.: Могильницкий Б.Г. Русская революция в перспективе долгого времени: новые подходы к её осмыслению // Русская революция в контексте истории. Томск, 2008; Цыганков В.В. Кризисы российского общества: Русская революция с позиций мирсистемного анализа // О причинах русской революции. М., 2014; Лукьянов И.В. Революция 1917 года: что это было? // Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. СПб., 2017.

⁵⁰ См.: Бородкин Л.И. Русская революция в свете теории динамического хаоса // О причинах русской революции.

⁵¹ См.: Rogoznyy P.G. Церковная революция 1917 года. СПб., 2008; Леонтьева Т.Г. «Революционная церковь» или «церковная революция»? О некоторых новейших исследованиях по истории Русской Православной Церкви в 1917 г. // The Soviet and Post-Soviet Review. Vol. 36. 2009. №. 2; Шкаровский М.В. Александро-Невская лавра в год революционных потрясений (1917—1918) // Христианское чтение. 2010. № 1; Павлов Д.Б. Отечественная и зарубежная историография государственно-церковных отношений 1917—1922 гг. М., 2011; Бабкин М.А. Священство и царство. Россия, начало XX века — 1918 год. М., 2011.

обрядцев в центр российской истории — они якобы и революцию готовили, и приход Сталина наклеивали⁵². Между тем, как видно из работы В.В. Керова, в марте 1917 г. старообрядцы, подобно большинству подданных поликонфессиональной империи, оказались в плену революционной эйфории, несколько смикшированной «здоровым крестьянским скептицизмом». А к осени они полностью разочаровались в революционной политике⁵³.

Если ситуация в академической историографии революции в 2017 г. выглядела невнятной, то в СМИ она напоминала скороспелый спектакль, поставленный коллективом неумелых, но нахальных режиссёров. Очевидно, что мы не способны, да и не хотим подняться до трагической высоты событий столетней давности. Профессионализма для выхода на уровень метаистории, её поистине хтонических сил, просто не хватает. И кто-то на этом паразитирует.

Правда, и историков, и политиков одинаково завораживает феномен гигантского воздействия революции на внешний мир. Не учитывается, что это было связано с неадекватностью её восприятия извне: революцию описывали как «модернистское» явление европейского XX в., не замечая, что она таила в себе родовые черты архаичного бунтарства. А всякая непонятая смута оставляет после себя надоедливые фантомные боли. Весь XX в. был отмечен примитивным «восстанием масс» (Х. Ортега-и-Гассет), но «прогрессистское» сознание отказывалось это признавать.

Как бы то ни было, архаика явилась миру в футуристическом обличье. Отсюда и нынешнее возрождение понятия «Великая революция» — когнитивное бессилие прячется за внушительным эпитетом. Сегодня на пальму первенства по этой части претендует А.В. Шубин⁵⁴. Увы, он не был первым⁵⁵. О «Великой революции» заговорили ещё в 1917 г. Другое дело, какой смысл вкладывался и вкладывается в данный концепт.

Очень часто мы лишь навешиваем на непонятные события привычные ярлыки: чем сложнее явление, тем сильнее соблазн самообмана. Лучше всего это заметно по основным (государственным!) каналам российского телевидения. Когда параллельно на двух из них в многосерийных фильмах парочка Лениных и Троцких несёт взаимоисключающую ахинею под водительством единственного «проницательного» человека — А. Парвуса, то из этого следует, что историки не смогли поставить барьер людскому невежеству и легковерию. И если в *talk-show* «решающее слово» предоставляется личностям параноидального склада, то это является зеркальным отражением нашей историографической немощи.

В итоге революционная среда предстаёт сборищем мелких злых честолюбцев, не без успеха навязывающих Клио свои доктринёрские «проекты». На деле всё было с точностью до наоборот. На авансцену исторического действия выходили те, кто способен был — хотя бы на время — забыть о собственном Я, всецело отдавшись во власть всеисцеляющей, как казалось, стихии. В своё время Троцкий связывал это с «неистовым вдохновением истории»⁵⁶.

⁵² Пыжиков А.В. Питер—Москва. Схватка за Россию. М., 2014; Пыжиков А.В. Корни сталинского большевизма. М., 2016.

⁵³ Керов В.В. Старообрядчество в 1917 г. // Российская история. 2018. № 1. С. 146, 147, 159.

⁵⁴ См.: Шубин А.В. Великая российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М., 2014; Шубин А.В. Старт Страны Советов. Октябрь 1917 — март 1918. СПб., 2017.

⁵⁵ Ещё в 1994 г. сходный термин предложил В.П. Дмитренко, признавший, что все предыдущие попытки отыскать предпосылки революции 1917 г. оказались безуспешными. См.: История России. С древнейших времён до конца XX в. Т. 3. М., 1996. С. 147.

⁵⁶ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 2. М., 1991. С. 56.

И это не только метафора. Революция словно подбрасывает вверх лиц диссипативного склада, вооружённых простой, как дубина троглодита, идеей. И тогда импульсы теории, почитаемой передовой, «вдруг» начинают резонировать с архаичными пластами людской психики. Люди словно забывают о себе, отчаянно жертвуя прошлым во имя якобы возможного прыжка в будущее.

В сущности, *homo sapiens* — это природный мятежник (хотя и пугающий-ся собственного бунтарства). Но в обычные времена в это трудно поверить⁵⁷. И можно ли вообще понять такое изнутри «застойной» среды? Вряд ли. Человек — продукт *longue durée*, но он словно боится правды о самом себе, отдаваясь наивностям текущего времени.

Особо отмечу, что в ряду коммемораций 2017 г. была сделана попытка вытеснить революцию из человеческой памяти средствами изобразительного искусства. В Третьяковской галерее на Крымском валу состоялась выставка под вызывающим названием «Некто 1917». Метафору заимствовали у В. Хлебникова — вероятно, для того чтобы доказать его «неправоту». Были подобраны картины, призванные показать, что революционные события словно миновали выдающихся живописцев того времени. Конечно, всякое творчество инерционно, живописец не сможет всецело отдаться «злобе дня». Однако он, так или иначе, ощутит и отобразит нерв, дух и этос эпохи, ибо повязан с ней глубинными узами культурного целого. И только мелкий политик станет уверять, что люди творчества не заметили «дурной» революции. Между тем достаточно было взглянуть на открывавшее выставку полотно В.В. Кандинского «Сумеречное» (1917), чтобы поверить, что на Россию надвигается нечто смутное и неотвратимое. А если взглянуть в крестьянские лица знаменитого живописного цикла Б.Д. Григорьева «Расея», то трудно не почувствовать, что перед нами представители глубинной народной культуры, которая готова смахнуть с лица земли то, что угрожает её первозданному существованию.

Сегодня задача *популяризации* научной истории революции актуальна, как никогда. Увы, профессиональные историки от неё отмахиваются. Едва ли не единственное исключение — блестящая работа Б.И. Колоницкого, который, сконцентрировавшись на критических сюжетах 1917 г., показал причины аберрации массового сознания⁵⁸. Однако вряд ли эту работу заметят любители конспирологических сюжетов — она лишит их иллюзий.

Некоторые журналисты также пытаются выступить в амплуа популяризации истории. Показательна книга М. Зыгаря «Империя должна умереть». Похоже, на него работал целый коллектив, даже порывшийся в архивах. Однако никакого нового качества, кроме занимательной подачи материала, книга не содержит. Автор, призывая излечиться от травмы «рукотворной», но неизбежной революции, лишь постарался убедить, что наследникам «победителей» и «побеждённых» не стоит раздирать застарелые раны⁵⁹. В других популярных работах утверждается, что «исторические срывы, провалы и катастрофы следует признать важнейшей особенностью Русской цивилизации»⁶⁰ (имеется в виду цивилизация православная). Ещё более примечательно появление книги

⁵⁷ Так, я был удивлён, когда моя статья на эту тему оказалась в дискуссионном отделе известного французского журнала. См.: *Bouldakov V. Révolution ou révolte? Nouvelles perspectives cent ans plus tard // Vingtième siècle. Revue d'histoire*. 2017. № 135. Juillet—septembre. P. 159—160.

⁵⁸ См.: *Колоницкий Б.И. 1917: Семнадцать очерков по истории Российской революции*. СПб., 2017.

⁵⁹ *Зыгарь М. Империя должна умереть*. М., 2017. С. 864.

⁶⁰ *Разумовский Ф. 1917: Переворот? Революция? Смута? Голгофа! М., 2017. С. 3.*

Л.А. Данилкина, названной претенциозно — «Пантократор солнечных пылинок» — и это о Ленине! Получилась бытовая биография выдающегося человека, «перевернувшего мир» с помощью гегелевской диалектики⁶¹. И всё же концовка книги заставляет задуматься: непритязательный в быту человек, обладавший искренним и заразительным смехом, попросту не мог быть обычным злодеем и заговорщиком⁶². Однако стоит вспомнить и Ф. Ницше: «Людей, замысляющих общественный переворот, следует разделять на таких, которые хотят достигнуть этим чего-либо для себя, и на таких, которые имеют при этом в виду своих детей и внуков. Последние опаснее всего: ибо им присуща вера и спокойная совесть бескорыстных людей»⁶³.

Историю русской революции с её «гениями и злодеями» пора поставить в контекст культурно-антропологического *надлома* большого исторического времени. Революции делаю не inferнальные существа, а обычные — пусть не в меру пассионарные — люди, остро ощущавшие своё промежуточное положение между прошлым и будущим, а потому решительно отбрасывавшие «старую» мораль. И всё это отразили плакаты, карикатуры и открытки 1917 г.; некоторые исследователи, учитывая всеобщую тенденцию к «визуализации» прошлого, стремятся показать это⁶⁴.

По своему откликнулись на годовщину революции философы и филологи. Даже люди, вроде бы живущие в мире абстракций, порой ориентируются на отражения живой действительности в сознании людей творчества⁶⁵. Если в известные времена позитивистские подходы не убеждают, а скорее вызывают подозрительность, то не лучше ли обратиться к воображению людей, пропускающих нежданные события через своё «историческое подсознание», — этот невидимый продукт тысячелетних культурных напластований. Что касается филологов, то для них литературные метания постреволюционного времени естественным образом открывают пути к осознанию катастрофичной сути человеческого бытия⁶⁶.

Революция несла в себе особые — трудноразличимые или игнорируемые — нарративы, даже *метанарративы*. Это давно заметил У. Розенберг, назвав итог развития событий 1917 г. «трагедией конкурирующих невозможностей»⁶⁷. Революционная действительность порождала агрегированные формы эмоциональности. «Сумасшествие» революционных толп не походило на душевные болезни отдельных личностей. И если исходить из динамики эмоций, то окажется, что приход большевиков к власти был предопределён — однако не их «заговор-

⁶¹ Похоже, попытки связать успех Ленина с гегелевской логикой становятся популярными. См.: *Di Mascio C. Lenin e i quaderni sulla scienza della logica di Hegel*. Firenze, 2017.

⁶² Данилкин Л.А. Ленин: Пантократор солнечных пылинок. М., 2017. С. 781—782.

⁶³ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое: Книга для свободных умов. СПб., 2015. С. 304.

⁶⁴ См.: Аксёнов В.Б. Журнальная карикатура как зеркало общественных настроений в 1917 году // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2017. № 1; Ветер Семнадцатого года. Российский политический плакат 1917 г. М., 1917; Бич 1917. События года в сатире современников / Сост. и текст В. Гусейнов и В. Булдаков. М., 2017.

⁶⁵ См.: Никольский С.А. Империя и культура. Философско-литературное осмысление Октября. М., 2017.

⁶⁶ См.: Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах / Отв. ред. В.В. Полонский. М., 2017; Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы. Исследования и материалы / Отв. ред. В.В. Полонский. М., 2017.

⁶⁷ Розенберг У. Трагедия конкурирующих невозможностей // Российская история. 2017. № 5. С. 10—16.

щичеством», а людскими ожиданиями неминуемой развязки⁶⁸. Легко просматривается ещё один метанарратив — слухи, на протяжении 1917 г. упорно складывавшиеся в сценарий заранее объявленного «большевистского» переворота⁶⁹. Чем сильнее общественное смятение, тем больше шансов на воплощение самого «невероятного» из сценариев, порождённых испуганным воображением.

Увы, при подведении итогов коммеморативного бума в российской историографии о подобных гипотезах речи не заходило. Ряд «главных» исследований выстраивался по привычным направлениям⁷⁰, теоретизирование застряло на приснопамятной теории модернизации и столь же замшелой теории элит⁷¹. О реальных путях изучения подлинных проблем революции сказать оказалось почти нечего.

Почему необходим взгляд со стороны?

Западные авторы, в отличие от российских историков, планомерно готовились к предстоящей коммеморации. Традиционно события 1917 г. вписывались в весьма широкий временной и глобальный контекст. Были предприняты попытки показать это на культурологическом уровне. В рамках амбициозного международного проекта «Великая война и революция в России» первостепенное внимание уделялось проблемам культуры. Впрочем, посвящённый этому двухтомник приобрёл скорее сюжетно-описательный характер⁷². Следующий том был посвящён главным образом Первой мировой войне. Примечательно, что прозвучало напоминание о ленинском определении войны как империалистической. К сожалению, из работ российских историков (за немногими исключениями) эта тематика почти исчезла — сказалось влияние «патриотичного» подхода. Напротив, западные авторы подчёркивали, что именно «война империй» стимулировала многообразные национальные движения, трактуемые (что вряд ли вполне корректно) как «деколониационные»⁷³. В третьем томе предполагалось рассмотреть проблемы региональной истории революции, а также последствия войн и революций⁷⁴.

Проект выглядит впечатляюще. Характерно, что политической истории войны и революции уделяется минимальное внимание. При этом затрагиваются темы и сюжеты, не вызывавшие должного внимания в российской историографии. Такой подход способен расширить сюжетные горизонты и разнообразить представления о произошедшем, однако пока он скорее разнообразит палитру событий, нежели приближает к новому уровню их осмысления.

⁶⁸ Булдаков В.П. Поэтические завихрения «Красной смуты», 1917—1920 // Историк и Художник. М., 2013. С. 367—393.

⁶⁹ См.: Аксёнов В.Б. Слухи и страхи петроградцев и москвичей в 1917 г. // Социальная история: Ежегодник. 2004. М., 2005; Аксёнов В.Б. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914—1917 годах: Архетипы, слухи, интерпретации // Российская история. 2012. № 4; Булдаков В.П. 1917 год: страсти революции // Труды по русистике ИНИОН. Вып. 6. М., 2016. С. 277—319.

⁷⁰ См.: Шелохаев В.В., Соловьёв К.А. Февраль в тени Октября (историографические итоги и исследовательские задачи) // Российская история. 2018. № 1. С. 161—171.

⁷¹ Селезнев Ф.А. Революция 1917 г. в свете современных теорий // Российская история. 2018. № 1. С. 172—180.

⁷² Russian Culture in War and Revolution, 1914—1922. Vol. 1—2 / Ed. by M. Frame, B. Kolonitskii, S. Marks, M. Stockdale. Bloomington, 2014.

⁷³ The Empire and Nationalism at War / Ed. by Lohr, V. Tolz, A. Semyonov, M. von Hagen. Bloomington, 2014. P. 53.

⁷⁴ См.: Russia's Home Front and Revolution, 1914—1922. Vol. 1 / Ed. by S. Badcock, L. Novikova, A. Retish. 2015; Vol. 2 / Ed. by A. Lindermeier, C. Read, P. Waldron. Bloomington, 2016.

Надо признать: если российская историография постоянно подпитывается энергией вечного недовольства своим прошлым, западными авторами движет непреходящий «пафос» недоумения перед «необычностью» русской революции и «странностями» её последствий. Не удивительно в связи с этим, что через 100 лет «уроки» 1917 г. рассматриваются преимущественно в политическом контексте. Так, «юбилейный» номер британской «Революционной России» отмечен статьями об умеренных либералах (М.В. Родзянко и Г.Е. Львов⁷⁵) и эсерах (В.М. Чернов и М.А. Спиридонова⁷⁶). Правда, здесь же напечатана весьма оригинальная статья А. Хейвуда о воздействии событий на Кавказском фронте на ситуацию в России в 1914—1917 гг. Выделяется также публикация о сексуальных отношениях и венерических заболеваниях в воюющей России⁷⁷. В отечественной историографии такие «спутники» войны и революции всё ещё «прячутся» от читателя.

Не менее показательным получился юбилейный номер известного французского руссиеведческого журнала. Он открылся интервью с признанными авторитетами. Однако один из них — М. Ферро, в отдалённом прошлом автор новаторской книги о социальных движениях в русской революции⁷⁸, — предпочёл говорить о последующих революциях XX в., подчёркивая, что их лидеры, подобно В.И. Ленину, следовали не столько за К. Марксом, как за К. Малапарте⁷⁹.

М. Хильдермайер, известный не только книгой о революции⁸⁰, но и солидной монографией об эсерах, склоняется к социальной интерпретации революции, «уравновешивая» её, однако, политическими подходами. В результате события 1917 г. выглядят у него заметно «социологизированными» и модернизированными⁸¹. Что касается Р. Пайпса, то он откровенно заявил, что конкретные исследования революции уже не нужны; надо сосредоточиться на изучении её влияния на последующие поколения⁸².

Есть нечто символическое в том, что именно во Франции подметили: русская революция по своему воздействию на внешний мир вполне сравнима с революцией французской. Вместе с тем исследователей волнует «непредсказуемость» этого воздействия. Как в связи с этим формируется историческая память? Каковы возможности профессиональных историков в этом отношении?

Понятно, что непосредственный исследовательский процесс шёл своим чередом, без оглядки на подобные генерализации и реминисценции. Сомнительно, чтобы высказывания мэтров особенно привлекли молодых исследователей — им хочется быть независимыми в своих суждениях. «Большие темы», как отмечает германский исследователь, привлекают главным образом историков старшего поколения. Вероятно, в связи с этим их более молодые коллеги выс-

⁷⁵ См.: *Gavroeva E. M.V. Rodzianko and Prince G.E. L'vov (Spring and Summer 1917) // Revolutionary Russia. 2017. Vol. 30. № 1.*

⁷⁶ *Boniece S.A. Heroines and Hysterics: Mariia Spiridonova and her Female Revolutionary Cohort in 1917—18 // Revolutionary Russia. 2017. Vol. 30. № 1. P. 78—101; Immonen H. Viktor Chernov in 1917: A Reappraisal // Ibid. P. 55—77.*

⁷⁷ *Hearne S. Sex on the Front: Prostitution and Venereal Disease in Russia's First World War // Revolutionary Russia. 2017. Vol. 30. № 1.*

⁷⁸ *Ferro M. La révolution russe de 1917. T. 1—2. Paris, 1970, 1976.*

⁷⁹ *Entretien avec Marc Ferro // Cahiers du monde russe. 2017. 58/1—2, Janvier—juin. P. 28—30.*

⁸⁰ См.: *Hildermeier M. Die Russische Revolution, 1905—1921. Frankfurt a/M, 1989.*

⁸¹ *Interview with Manfred Hildermeier // Cahiers du monde russe. 2017. 58/1-2, Janvier—juin. P. 37—39.*

⁸² *Ibid. P. 54.*

казываются довольно скептически о перспективах — как количественных, так и качественных — изучения русской революции⁸³. Однако совершенно иная картина может предстать, если рассматривать процессы 1917—1918 гг. в контексте *распадения* империи в связи с ослаблением и разложением её властного ядра. Некоторые исследователи уже обратили на это внимание⁸⁴.

В ходе подготовки к «юбилею» западные авторы высказывали довольно разноречивые предположения о том, как отметят его российские историки. В частности предполагалось, что события 1917 г. будут рассматриваться в более широком контексте⁸⁵. Этот прогноз в целом, как отмечалось, оказался оправданным. Сами западные историки пошли тем же путём.

Было время, когда в русской революции особенно привлекала «экзотика». Подобный подход бесполезен для исторической науки, тяготеющей к академической упорядоченности и позитивистской сухости. Безусловный интерес в связи с этим представляла книга М. Стейнберга «Пролетарское воображение», вроде бы продолжавшая традиции западных «левых». Автор известен особым вниманием к нетрадиционным источникам личного происхождения (поэзия рабочих), позволяющим ощутить психологические установки пролетарской среды⁸⁶. В новой, не менее оригинальной работе он предложил (вслед за В. Кроче⁸⁷) анализ тогдашнего — революционного — понимания *свободы* в России. Именно такой дискурс, по его мнению, даёт ключ к конструктивному переосмыслению хода и исхода событий 1905—1921 гг.⁸⁸ Действительно, «русское» (архаичное по сути) представление о «воле» незримо присутствовало не только в основе бунтарских действий, но и в последующем «бегстве от свободы» (Э. Фромм).

Другие западные исследователи предложили своего рода монографии-размышления о происхождении и судьбах революции. При этом заметно усложнение самого концепта «русская революция». Так, М. Буттино, отталкиваясь от процессов, происходивших в Центральной Азии, ввёл представление о «калейдоскопе революций», способствовавших утверждению большевистского «порядка»⁸⁹. С. Смит, ещё более основательно раздвинул хронологические и событийные рамки революции. Он видит в ней часть кризиса империи 1890—1928 г.⁹⁰ Революция действительно продлила жизнь *империи* за счёт кровавой перетряски не только власти, но и всех слоёв и групп населения⁹¹. Вольно или

⁸³ Stadelmann M. The Russian Revolution in German Historiography after 1945 // Cahiers du monde russe. 2017. 58/1—2, Janvier—juin. P. 77—78.

⁸⁴ Holquist P. The Russian Revolution as Continuum and Context and yes, — as Revolution: Reflections on Recent Anglophone Scholarship of the Russian Revolution // Ibid. P. 90.

⁸⁵ Raleigh D. The Russian Revolution after all these 100 years // Kritika. Exploration in Russian and Eurasian History. 2015. Vol. 16. № 4. P. 796.

⁸⁶ См.: Steinberg M. Proletarian Imagination: Self, Modernity and the Sacred in Russia, 1910—1925. Ithaca; N.Y., 2002.

⁸⁷ См.: Croce B. History as the Story of Liberty. N.Y., 1955.

⁸⁸ Steinberg M. Russian Revolution, 1905—1921. Oxford, 2017. P. 5.

⁸⁹ См.: Buttino M. Central Asia (1916—20): A Kaleidoscope of Local Revolutions and the Building of the Bolshevik Order // The Empire and Nationalism...

⁹⁰ См.: Smith S. Russia in Revolution: An Empire in Crisis, 1890 to 1928. Oxford, 2017.

⁹¹ Эту мысль я высказывал неоднократно, но как в СССР, так и в современной России, она, похоже, мало кого устраивает. См.: Булдаков В.П. Переворот или кризис империи? // Родина. 1992. № 10; Булдаков В.П. Имперство и российская революционность // Отечественная история. 1997. № 1—2; Булдаков В.П. Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. № 1; Булдаков В.П. Империя и смута: к переосмыслению истории русской революции // Россия и современный мир. 2007. № 3(56); и др.

невольно автор описал революцию как *цикл*, а не только как более привычный разрыв исторической преемственности.

Впрочем, заметны и неоконсервативные подходы. Так, Ш. Макмикин, автор довольно одиозной книги о роли России в развязывании Первой мировой войны⁹², ограничившись хронологическим отрезком 1917—1922 гг., тем не менее взялся за создание «новой» истории русской революции⁹³. В результате получилась ещё одна версия её политической истории, причём весьма тенденциозная, повторяющая, в сущности, подходы Р. Пайпса. Сходное впечатление оставляет и коллективная работа «Историческая неизбежность? Поворотные пункты русской революции», снабжённая, что характерно, эпиграфом из А.С. Пушкина: «Русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Увы, её авторы (главным образом старшего поколения) так и не сошлись по вопросу о неизбежности случившегося⁹⁴. Название книги Д. Стивенсона, связавшего события войны, мира и революции, привлекает. На деле им используются преимущественно документы внешней политики, отложившиеся в зарубежных архивах, а «антивоенная» деятельность В.И. Ленина ставится на один уровень со знаменитыми 14 пунктами В. Вильсона⁹⁵. В общем, подобные выводы не особенно впечатляют, хотя отрицать значимость предлагаемого дискурса и конкретного материала не приходится.

Похоже, что русскую революцию по-прежнему не удаётся вписать в рамки привычной западной ментальности. Примечательно, что к «юбилею» в практически неизменном виде вышла основательная монография Х. Альтрихтера «Россия, 1917 г.: Страна в поисках себя»⁹⁶. Вместе с тем другой, не менее известный германский историк Д. Байрау в книге «Война и революция. Русский опыт» постарался использовать источники личного происхождения (хотя и не самые выразительные), характеризующие возникновение революционного насилия⁹⁷. Похоже, что эта тема с трудом укладывается в сознание современных западных историков⁹⁸. И это не удивительно. На мой взгляд, русская революция показала (а всё последующее мировое развитие это подтвердило), что мир движется совсем не так, как ожидали в XIX в., надеясь, что и в следующем столетии всё последует по наезженной колее. Между тем мир станет непрочным и непредсказуемым, если взирать на него сквозь позитивистские линзы эпохи Просвещения. Революция — это «предупреждение»: нет ничего разрушительнее безоглядной попытки достижения идеала. К тому же, в случае своего успеха наследникам «пламенных революционеров» придётся воздвигать фальшивый фасад, скрывающий неприглядные реалии. В СССР так и случилось. А. Сумпф показал, какую непомерно большую роль в формировании легенды о «Великом Октябре» сыграл кинематограф⁹⁹.

⁹² См.: *McMeekin S.* The Russian Origins of the First World War. Cambridge; L., 2011.

⁹³ См.: *McMeekin S.* The Russian Revolution: A New History. N.Y., 2017.

⁹⁴ См.: *Historically Inevitable? Turning Points of the Russian Revolution* / Ed. T. Brenton. L., 2017.

⁹⁵ См.: *Stevenson D.* 1917. War, Peace, and Revolution. Oxford, 2017.

⁹⁶ К тексту 1997 г. добавлен лишь раздел об изменении восприятия революции в связи с чередой юбилеев. См.: *Altrichter H.* Russland 1917. Ein Land auf der Suche nach sich selbst. Paderborn, 2017. S. 543.

⁹⁷ См.: *Beyrau D.* Krieg und Revolution. Russische Erfahrungen. Leiden, 2017.

⁹⁸ См.: *Beyrau D.* Brutalization Revisited: The Case of Russia // *Journal of Contemporary History*. 2015. Vol. 50. № 1.

⁹⁹ См.: *Sumpf A.* Révolutions russes au cinéma: naissance d'une nation: URSS, 1917—1985. Paris, 2015.

Взгляд со стороны необходим хотя бы в целях профилактики «автохтонной» историографии от «застойных» явлений. А в том, что их накопилось довольно много, сомневаться не приходится. Только использование принципа дополнительности в историографии способно спасти её от агиографического и/или догматического вырождения, не говоря уже об историко-ведческом отупении. А эти — унаследованные с советских времён — «болячки» всё ещё напоминают о себе.

На Западе выходит немало популярной литературы. В этом смысле показательна незатейливая, на первый взгляд, книга Х. Раппопорт, в которой собраны впечатления иностранцев, «захваченных революцией». Люди другой культуры увидели то, чего не могли заметить российские участники событий¹⁰⁰. И это даёт пищу для исследователей психологии тех дней. Со своей стороны, К. Мерридейл обратилась к заезженному сюжету — «пломбированному вагону». Получилось, что Ленин «въехал» в историю легко и естественно, словно его ожидали. Правда, вряд ли можно согласиться с утверждением, что в современной России *mass media* предпочитают замалчивать Ленина¹⁰¹. Напротив, как уже отмечалось, в 2017 г. на российском телевидении развернулось своеобразное вышучивание «вождя» революции. С помощью юбилея его личность стала основой пошлого коммерческого проекта.

По следам «Красной смуты»

Лично для меня 2017 г. был особым «юбилеем» — 20 лет назад появилось первое издание «Красной смуты». Книга получила весьма широкую известность. Однако её импакт-фактор применительно к сообществу профессиональных историков оказался ничтожным. А многим книга просто «мешает», о чём они, как мне известно, то и дело перешёптываются между собой. Открытой критики, если не считать мелких уколов, нет. Да и как критиковать, если направленность моей работы не находит точек соприкосновения с привычными исследовательскими подходами?

Разумеется, есть и «последователи». Однако их мнения не особенно вдохновляют: они готовы мои тексты принять «на веру», а это для науки не столь продуктивно.

С точки зрения менее заметных, но более многочисленных моих оппонентов, «не все заключения автора представляются обоснованными», иногда они «кажутся вероятными, но требующими более сильной аргументации»¹⁰². Как видно, мне инкриминируется недопустимое обилие гипотез. Но автор вовсе не обязан их доказывать. А вот сомневающимся исследователям лучше бы попытаться их опровергнуть, приведя «сильную» аргументацию. Я, разумеется, не в обиде. Тем более что можно достаточно точно, не прибегая к «гипотезам», указать на истоки недовольства моими текстами. Чем оригинальнее исследование, тем больше вопросов оно провоцирует. Но кому понравится их «перебор»?

Прорывы в исторической науке всё же осуществляются с помощью одиночек-«провокаторов». Однако ни они, ни тем более их окружающие никогда не бывают до конца уверены в своей правоте. Отсюда склонность к «конвенциональному» приближению к истине. А потому людей, безоглядно устремляющихся вперёд, обычно «сдерживают».

¹⁰⁰ *Rappoport H. Caught in the Revolution. Petrograd 1917. L., 2016.*

¹⁰¹ *Merrydale C. Lenin on the Train. L., 2017. P. 290.*

¹⁰² *Колоницкий Б.И. Юбилейный год и историки революции // Российская история. 2018. № 1. С. 185.*

В советское время ленинградские историки особенно основательно пострадали от власти. Это выработало в их среде привычку, ставшую своего рода негласной методологической установкой: максимум фактологической проработки «узких» исторических сюжетов — попробуй, найди «крамолу»! Упорный позитивизм отнюдь не бесполезен: в серии питерских сборников о революции можно найти массу нужного, важного и просто интересного материала¹⁰³. Но порой фактографический фетишизм приносит парадоксальные плоды: Николай II оказывается опытным «реформатором», зато столичные полицейские, вроде бы стрелявшие по демонстрантам с крыш из пулемётов, — противниками монархии. Конечно, доказывать, что этого не могло быть, бесполезно: люди, как в прошлом, так и в настоящем, склонны выдавать воображаемое и желаемое за реальность. А потому я намерен продолжить писать и о реальной, и о воображаемой стороне революционной действительности.

Итак, прошу извинить за то, что приходится едва ли не в сотый раз напоминать об основных принципах подхода к осмыслению русской революции, сформулированных более 20 лет назад¹⁰⁴.

Всякая авторитарно-патерналистская («чрезмерно сложная» и «живая») система содержит в себе не только «гены» самосохранения, но и вирусы саморазрушения, которые словно ждут своего часа. Соответственно этому в истории России XIX—XX вв. нетрудно выявить моменты, когда эти гены словно выпрыгивали на поверхность, составляя знаковый след в истории общества и народа. Их последовательное взаимодействие к определённому моменту выливалось в системный кризис империи. В процессе его назревания можно выделить следующие компоненты и/или этапы: *этический, идеологический, политический, организационный, социальный, охлократический, рекреационный*. Можно поступить проще, задавшись вопросом: как долго просуществует патерналистская система, подданные которой не только перестали в неё верить, но и мысленно её похоронили? Так было в начале XVII в.; нечто подобное повторилось в начале и конце XX в. Вряд ли стоит слишком подробно теоретизировать на этот счёт — возникнет соблазн схоластического умствования в стохастическом пространстве.

В сущности, книга была посвящена возобладавшему в 1917 г. охлократическому компоненту революции, который обнаружил своё лицо архаично-бунтарскими формами насилия. А это предполагало отказ от конструирования привычных линейных причинно-следственных зависимостей. Относительно недавно было показано, что в ходе «углубления» революции прогрессистские установки и надежды российских элит были сметены традиционалистской стихией: Россия в полном смысле разорвалась между «Традицией и Модерном»¹⁰⁵. Увы, эти очевидные истины всё ещё приходится доказывать. В определённой ситуации это почти безнадежно: если чужое мнение «мешает», то его лучше не замечать.

Наличие заложенных прошлым «застоем» империи бомб замедленного действия не составляло секрета для историков; другое дело возможности ин-

¹⁰³ См. сборники статей «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды», издававшиеся в Санкт-Петербурге А.Б. Николаевым в 2009, 2010, 2012—2015 гг.

¹⁰⁴ См.: *Buldaков V.* Revolution or Crisis of Empire? // *Bulletin of the Aberdeen Centre for Soviet and East European Studies*. 1993. № 4. June. P. 9—10; *Булдаков В.П.* XX век в российской истории: имперский алгоритм? // Национальные отношения в России и СНГ. М., 1994. С. 122—131; *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 343—349.

¹⁰⁵ См.: *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* 1917 год. Элиты и толпы...

терпретации явления, не находившего адекватного языка описания. «Чувствуемое», «смутно ощущаемое» — вечная помеха позитивизму. Между тем Ленин в знаменитой статье «Памяти Герцена» связал нарастание кризисности с «классовыми» этапами развития революционного движения. Понятно, что ничего иного тогдашний марксист, вынужденный вести борьбу не столько с полумифической буржуазией, сколько с реальным самодержавием, не мог себе позволить. Современному историку также стоило бы приглядеться: динамика российской революционности была связана с активизацией различных социальных слоёв — от аристократических элит и высокополобой профессуры до пролетариев и солдат. В конечном счёте этот процесс захлестнула крестьянская «общинная революция». Именно она и определила суть и итоги российского революционного процесса. Если французская революция провозгласила лозунги «свободы, равенства и братства» (что отнюдь не содержало принципиального отрицания собственности), то русская — перечеркнула эти установки, передав основу свободы (собственность) в руки государства в «колхозно-распределительной» форме.

Между прочим, американский историк Дж. Санборн, не углубляясь в историю России, выделяет четыре «деколониционных» составляющих системного кризиса XX в.: анти/имперский вызов, провалы государственного управления, социальные бедствия и реанимация государственности¹⁰⁶. Не стоит упрекать его в зауживании проблематики. В «русской» революции этноконсолидационные (но не сепаратистские) и конфессионально-идентификационные процессы действительно сыграли колоссальную роль¹⁰⁷. Подход Санборна содержит точки соприкосновения с предложенной мной схемой взаимодействия «Хаоса и Этноса»¹⁰⁸. Он помогает объяснить причину ускорения процесса *саморазрушения* империи. В первую очередь речь идёт о *самодеструкции*, а не о сознательном и планомерном разрушении империи многочисленными «виновниками», — поиск таковых непременно обернётся погоней за несуществующей чёрной кошкой в потёмках людского невежества.

Распад власти, авторитарно-патерналистской в особенности, означает, что старые структуры, социумы, идеологемы теряют своё значение. Уходят на задний план и привычные компоненты массового сознания. Человек остаётся наедине со своими пошатнувшимися традиционными представлениями и несдерживаемыми эмоциями. Теперь вывести систему из хаотичного состояния сможет не «сознательный выбор» (под ним может скрываться агрессивная утопия), а «природный» *инстинкт власти*. При этом мирный исход возможен лишь при условии, что рефлекторные устремления «верхов» и «низов» сомкнутся в общем порыве. В противном случае можно ожидать перерастания социального хаоса в охлократический беспредел с перспективой окончательного «решения» вопроса методами гражданской войны. В итоге авторитаризм будет навязан сверху при безмолвном согласии обескровленного населения. Конечно, согласиться на такое понимание проблемы непросто. Каждая эпоха имеет свои когнитивные слабости, нынешняя — не исключение. Сове-

¹⁰⁶ Sanborn J. Imperial Apocalypse: The Great War and the Destruction of the Russian Empire. Oxford; N.Y., 2014. P. 6—7.

¹⁰⁷ См.: Красовицкая Т.Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля—октября 1917 г. Стратегии, структуры, персонажи. М., 2015.

¹⁰⁸ В связи с распадом Российской империи в 1917—1918 г. в книге была рассмотрена динамика этнических конфликтов «по горизонтали». См.: Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917—1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010.

менный мир переживает невиданное уплотнение информационного пространства — создаются условия для ревитализации самых архаичных пластов массового сознания. Вновь возникает разрыв между «высокой» и традиционной культурой. Человек может разучиться *вглядываться* в прошлое.

Итак, чем неуютны предложенные принципы рассмотрения российской истории современному сообществу служителей Клио? Во-первых, российская революция, которую было принято рассматривать в прогрессистской парадигме, оказывается явлением *циклического* порядка, рецидивы которого не исключены в будущем. Соответственно, нет смысла говорить о закономерном движении к воображаемому «светлому будущему». Понятно, что при таком подходе поклонники псевдо/марксистской теории лишаются эмоциональной почвы под ногами, исчезает соблазн линейных экстраполяций, которыми люди так привыкли тешить своё эвристическое воображение. История теряет и привычную логическую основу, и бытовой оптимизм.

Во-вторых, российский революционный кризис носил стихийный, а отнюдь не управляемый сверху характер. Следовательно, предстоит переоценить значение партий в революционных событиях. Важно не то, что они предлагали, а как они смотрелись из толпы, всё более набиравшей силы¹⁰⁹. То же самое относится к роли идей и идеологий: следует взглянуть на них сквозь призму традиционных утопий¹¹⁰, что позволит более основательно подойти к вопросу об альтернативах революционного процесса. Однако вряд ли мы к этому готовы, поскольку всё ещё по инерции задаёмся вопросами об «ошибках власти»¹¹¹.

В-третьих, поскольку революционная синергетика носила стохастический характер, «порядок из хаоса» возникал не *извне*, а *изнутри*. А это значит, что следует по-новому взглянуть на внутреннее наполнение массовых движений, делая упор на, казалось бы, невозможное сочетание в них архетипических и стихийных черт. Но большинство нынешних исследователей вряд ли вдохновится перспективой анализа психопатологии революции — «нас этому не учили». Между тем следовало бы давно усвоить, что человек толпы начинает вести себя «непредсказуемо» именно потому, что он утратил ориентацию в хаосе событий. Как результат он, внимая новейшим утопиям, вместе с тем панически обращается к опыту прошлого, надеясь отыскать дорогу в «привычное будущее».

Наконец, историю революции в целом придётся увидеть *через человека*. Предстоит понять почему, как и когда бунтарь, крушивший всё вокруг, «вдруг» превращается в пассивного конформиста. Важно разобраться, как и почему происходит «бегство от свободы» — увидеть революцию изнутри изверившихся людских душ.

Из этого следует, что историкам революции предстоит по-новому взглянуть на источниковую базу. На первый план должны выйти источники личного происхождения, а на привычные документы предстоит взглянуть под другим — культурно-антропологическим — углом зрения. Важны не «объективные» данные, а то, как они *воспринимались* накануне и в ходе революции. Так, для эскалации смуты решающее значение имело не то, каким правителем был

¹⁰⁹ Эта мысль, высказанная мной ещё в 1994 г. (Булдаков В.П. Политические деятели 1917 года: Взгляд из толпы // Власть и общество в России в первой трети XX в. М., 1994), так и не встретила отклика.

¹¹⁰ См.: Булдаков В.П. 1917 год: лица, лики, личины революции // Россия и современный мир. 2017. № 1(94).

¹¹¹ Engelstein L. Russia in Flames. War, Revolution, Civil War? 1914—1921. Oxford, 2018. P. 625.

Николай II, а каким он *казался*. Точно так же имеющаяся экономическая статистика представит нам искажённую картину состояния страны, если мы не зададимся вопросом о том, как она «читалась» (если читалась вообще) современниками. В противном случае придётся тешить себя прежними легендами о «процветающей стране», ведомой «благодетельным» правителем к вожделенному «Модерну».

Предлагаемый подход позволяет усомниться в «мудрости» правителей, философов и «прогрессивных деятелей», якобы знавших путь в будущее. Политическую историю революции, в том виде, в котором она существует более 100 лет, так или иначе придётся сдать в утиль. Пора признать, что она до сих пор питается химерами ретроспективного воображения незадачливых политиков, способных до бесконечности изобретать «альтернативы», оправдывающие их былую несостоятельность. В 1917 г. проиграли *все* партии — и левые и правые. События стали развиваться вопреки их интеллигентским доктринам.

Этот процесс приобрёл ускорение сразу после падения самодержавия. Но пресловутое псевдополитическое двоевластие существовало преимущественно в воображении перепуганных и потерявших идейную ориентацию доктринёров. На деле возникло то ли «многовластие», то ли «двоебезвластие» (Л.Д. Троцкий). Тем не менее люди, пришедшие к власти (точнее, её подобию) в 1917 г., намеревались усмирить нараставший хаос способами европейской политики, при этом по-наполеоновски «топая ножкой». «Спасти» бунтующую Россию должны были заведомо негодные симулякры и зыбкие псевдоморфозы — заимствованные продукты иной культуры и эпохи.

Никаких *политических* альтернатив в 1917 г. не существовало. Те принципы европейской политики (которые, в сущности, и подтолкнули тогдашний мир к войне¹¹²) утратили значение для России уже в апреле. Символично, что они оказались связаны с самоубийственным поведением самой европеизированной партии — кадетов. С того момента всё, что могли сделать российские либералы, это подтолкнуть (вольно или невольно) российскую охлократию. В этом смысле июльские события в Петрограде — характерный тому пример. И не стоит приплетать к ним большевиков, они (как и другие политики) в полном смысле застыли (пусть ненадолго) в недоумении перед картиной русского бунта. Даже в петроградском гарнизоне организационное влияние большевиков было далеко не беспредельным¹¹³.

Сложилась ситуация, когда в выигрыше мог оказаться лидер, который наряду с вожделенными утопиями стал ориентироваться также на стохастические процессы и перспективы преодоления их в результате синергетичного движения от «порядка к хаосу». А потому любым политикам, как всегда тяготеющим к приватизации прошлого в собственных интересах, не следует верить *sui generis*. Бесполезно заниматься *только* политической историей, вокруг которой всегда будут плодиться наивные представления о «прошлом, ведущем в будущее».

¹¹² См.: Булдаков В.П. Мировая война, европейская политика, русский бунт: к переосмыслению событий 1917 г. // Великая российская революция, 1917... С. 21—30.

¹¹³ См.: Астахов А.Б. Петроградский гарнизон накануне 1917 года: от повседневности прифронтового города к революции // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2017. № 1; Тарасов К.А. Солдатский большевизм. Военная организация большевиков и леворадикальное движение в петроградском гарнизоне (февраль 1917 г. — март 1918 г.). СПб., 2017. С. 343—347; Бусырева Е.П. Петропавловская крепость в дни революции 1917 года. СПб., 2017.

Как результат, лучше забыть об альтернативах тому, что уже произошло. Теоретически мир полон альтернатив в силу того, что человек — существо, лишённое инстинктивной программы поведения, — постоянно стоит перед тем или иным выбором. Однако при известных условиях коридор альтернатив сужается, причём также в силу природы человека, сложившегося скорее как существо *ведомое*. В общем, человек верит в «высшую» власть и силу, недаром по-английски это звучит одинаково — *power*.

Соответственно придётся пересмотреть привычный взгляд на массы как на «двигатели истории». Они действительно осуществляют в революции мощное движение, однако отнюдь не только вперёд. Откат в прошлое — это неизбежная реакция низов на «зарвавшийся» и «непонятный» прогресс. Традиционалистские массы воспринимают будущее как возвращение к «золотому веку» прошлого; прогрессистский телеологизм им недоступен. А потому никакого прямолинейного движения от «Традиции к Модерну» нет и быть не может.

В целом предлагаемый подход призван ориентироваться не только на видимое, но и на *скрытое* (разумеется, вовсе не в банальном конспирологическом смысле). Речь идёт о «тонких структурах» революционного бытия. Такой подход заведомо аполитичен и даже «аморален», что противоположно людской привычке прихорашиваться на фоне «дурного» прошлого. И, главное, при таком подходе придётся отказаться от агиографического описания культовых фигур прошлого, а равно и от их демонизации.

Но кому понравится отказ от привычного, которое принято считать единственно «научным»? Однако повороты научной мысли происходят постоянно — и к неевклидовой геометрии, и к квантовой механике. Правда, в гуманитарных науках такие зигзаги вызывают внутренний протест, поскольку они теснейшим образом связаны с *этикой*. А потому та самая революция, которой прежде восторгались, ныне служит объектом поношения — произошло нравственное отторжение не только от её образа, но и от её последствий — реальных и символических.

К новому пониманию «непредсказуемого» прошлого

В своё время Ю. Хабермас заметил, что для понимания истинной природы русской революции требуется «другая организация разума и желаний, о которых мы можем пока мечтать»¹¹⁴. Однако мечтать об этом не приходится — предстоит выбраться (или выдраться) из старых познавательных тупиков, расстаться с опасливой привычкой к «конвенциональному» движению исторической мысли. При этом нет нужды перечёркивать достижения прошлого, сколь бы сомнительными они не казались. Куда продуктивнее взглянуть на уже известный материал под иным углом зрения.

Мы всё ещё легкомысленно скользим по поверхности истории, словно по-детски упиваясь этой забавой. В этом нет ничего необычного. От младенческой привычки упрощать всё сложное до элементарного избавиться трудно, но необходимо. В сущности, история — наука о *большом историческом времени* — именно этим и призвана заниматься. Нельзя сказать, что это ей вполне удаётся — особенно, если речь заходит о масштабных и «злых» событиях истории. История многослойна — от мифа до науки. Поэтому прошлое по-прежнему воспринимается людьми через привычные для них масштабы, через понятные им в *их* короткий век образы, через «незыблемые» для их бытового

¹¹⁴ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. М., 2008. С. 296.

спокойствия моральные императивы. А это заставляет их уподоблять людей революции своим «заблудшим» современникам.

И, конечно, проблема революции неслучайно всякий раз упирается в личности их «творцов». Ещё при анализе Французской революции наиболее проницательные историографы пришли к выводу: не революционеры управляют ходом событий, а логика революции диктует им соответствующий образ действий. Увы, людям, мыслительные способности которых деформированы авторитарной системой, вообразить такое невозможно — требуется иной уровень интеллектуальной свободы.

Придётся признать, что низкий уровень социализации вкупе с эмоциональной неустойчивостью — эти родимые пятна авторитарного патернализма — блокируют наши возможности исторического самопознания. Как *внутри* самой революции, так и в процессе её анализа мы остаёмся «жертвой» созданных ею мифов и не находим сил избавиться от этой зависимости.

Русская революция была величайшим самообманом её лидеров и ведомых ими толп. Но так бывало всегда, ибо порой иных средств преодоления застарелой «глупости правителей» не находится. Однако всё же не стоит предаваться историографическому самообману на почве иллюзий прошлого. Однажды это уже обошлось очень дорого — пришла революция, которую не ждал никто.

Так или иначе, предстоит отыскать подлинную революцию и увидеть в ней себя. Однако этому упорно противится наша психоментальность, пронизанная авторитарно-патерналистскими интенциями. Мы, в сущности, боимся бремени свободы, а потому не решаемся взглянуть в истинное лицо революции. И этот самообман продолжается. Прошрое всегда «переписывалось». И историю русской революции вновь предстоит переписать. Для этого надо понять людей *той* эпохи, прежде всего — представителей бунтовавшего «молчаливого большинства». Это необходимо потому, что итог революции определяется культурой преобладающей людской массы.

Нынешняя коммеморация показывает, что настоящая история русской революции ещё не написана. Вместо неё присутствует подобие привычной мифологизированной истории, которая, в свою очередь, призвана подпирать «политику». Отсюда и все парадоксы нынешнего этапа изучения «Великой российской революции». Однако я не думаю, что нынешняя коммеморация останется бесплодной. Мероприятия проведены, «галочки поставлены», пар выпущен, страсти улеглись — настало время спокойной серьёзной работы. И не надо бояться начинать «с нуля» — революция была настолько неожиданным эпилогом эпохи Просвещения, что недоумения хватило на столетие. Трудно переварить груз собственных заблуждений, но это всё равно нужно сделать.

Понять революцию — значит понять саму историю, её глубинные смыслы. Напомню, для Гегеля история была процессом освобождения личности. Свобода — это действительно «вечный творец истории и субъект всякой истории»¹¹⁵, пусть человек не умеет ни её добиваться, ни ею пользоваться. И если видеть во всякой революции отчаянный порыв к освобождению, то придётся признать, что на онтологическом уровне она — всего лишь очередная, т.е. неизбежная демонстрация бессилия всякого нормального (исторического) человека перед окружающей социокультурной средой. Человек исторический — это вечный бунтарь, однако он бунтует с отчаяния. Такова его *социально-историческая* природа. И тот, кто пытается этого «не замечать» и читать нравоучения «веховско-

¹¹⁵ Croce B. History as the Story of Liberty. N.Y., 1955. P. 57.

го» пошиба, — либо неуч, живущий во внеисторическом пространстве, либо «учёный» холуй при очередной власти.

Что можно и нужно сделать для того, чтобы «пережить» болезненную историю революции? Во-первых, постараться разглядеть её реалии, заваленные устаревшими теориями и противоречивыми образами, отказаться от любых политически конъюнктурных инверсий прошлого. Во-вторых, показать человеческую обусловленность главного — революционного насилия, не скрывая его масштабов и крайних проявлений. В-третьих, рассказать о революции так, чтобы всякий гражданин почувствовал в ней *своё собственное* неслучайное прошлое, которое желательно преодолеть как можно скорее. Наконец, обществоведкам предстоит разглядеть культурно-антропологическую *суть* произошедшего, чтобы более осмысленно двигаться в будущее. Понятно, что приблизить революцию к современному человеку можно с помощью ранее неиспользованных «человеческих» документов. Конечно, перспектива движения в этом направлении связана с максимальной независимостью исследователей от любых давлений извне.

Возможно ли это? Как выразился один современный историк, «миф о революции потерял официальный статус» с развалом СССР¹¹⁶. В 2017 г. была предпринята очередная *официозная* попытка подменить «страшные» революционные мифы и мифы о революции неким социально-политическим релаксантом. В этом процессе, так или иначе, не могли не участвовать историки¹¹⁷. И теперь остаётся только гадать, каким предстанет революция в 2027 г. Конечно, человечество рано или поздно разберётся с самим собой, т.е. с собственной — революционной *sui generis* — историей. Но как скоро это произойдёт и сколько ошибок будет сделано на этом бесконечном пути? Сегодня мы видим, что движение в этом направлении совершается слишком медленно.

¹¹⁶ Тихонов В.В. Революция 1917 г. в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // Российская история. 2017. № 2. С. 112.

¹¹⁷ См.: Булдаков В.П. Историк и миф. Перверсии современного исторического воображения // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 54—65.